

Николай Эдуардович Фере
(1897-1981)

Н.Э. Фере

*Сельскохозяйственный труд
в колонии имени Максима Горького*

Фере Н.Э. Сельскохозяйственный труд в колонии им. М.Горького //
Воспоминания о Макаренко (Сборник материалов) / Сост.
Н.А. Лялин, Н.А. Морозова. - Л., 1960. 346 с. - С. 213-235.

Содержание

[Проверка "по всходам". Агава](#)

[Агроминимум](#)

[Наше животноводство](#)

[Даёшь трактор!](#)

...Нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания.

В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 440.

[Проверка "по всходам". Агава](#)

...В то время, к которому относятся мои воспоминания (весна 1924 года), колония размещалась в двух местах: основная часть, так называемая первая колония, – в Трибах, а меньшая часть, вторая колония, в Ковалёвке.

Первую и вторую колонии разделяла река Коломак, в половодье разливавшаяся на несколько километров.

Направляя меня во вторую колонию, Антон Семёнович предвидел возможность сильного паводка и предупредил, что какой-либо помощи в этот ответственный для дальнейшей жизни колонии момент, совпавший с начальным периодом моей работы, он оказать не может.

– Встретимся, вероятно, когда всё уже взойдёт. Вот и хорошо, легко можно будет проверить “по всходам”, как работали ребята, воспитатели, агроном, – сказал на прощанье Антон Семёнович. Немного помолчав, добавил: – Нелегко вам придётся, но надо бояться не трудностей, а отсутствия или недостатка воли, настойчивости к их преодолению.

О предполагаемой проверке “по всходам” я, конечно, рассказал ребятам и воспитателям. Все решили, что надо стараться и выполнить работы в срок. Особенно горячо откликнулся Братченко, командир отряда, ухаживающего за пятью тощими лошадками и парой молодых быков. Братченко или его подчинённые всегда находились где-либо вблизи места работы и при каждой остановке подкармливали своих любимцев. Кроме соломы и небольшого запаса отрубей, у нас ничего не было, но очень часто в кормушках я находил остатки сена и даже зёрна овса.

– Где ты достал? – не раз спрашивал я Братченко.

– Ещё зимой немного припрятал. Я же знал, что весна будет, – неизменно отвечал Братченко.

В душе я гордился таким “предусмотрительным” парнем.

Все колонисты работали хорошо, с инициативой, и посев ранних культур закончился в срок. Последствий проверки “по всходам” мы уже не опасались. Но всё же, когда во время отдыха вдруг кто-то крикнул: “Антон Семёнович!” – все вскочили, и на липах ребят можно было прочесть не только радость, но и волнение. Тревога оказалась ложной. Самый маленький колонист Петя увидел в сочетании облаков контур, похожий на лицо Антона Семёновича. Ребята побранили Петю, но все, в том числе и я, посмотрели в направлении его руки. Действительно, что-то похожее на профиль Антона Семёновича при некотором воображении можно было обнаружить среди облаков. Разговор, естественно, перешёл на Антона Семёновича, и нельзя было не почувствовать большого уважения, которое ребята питали к своему заведующему.

– Чем бы нам ещё удивить Антона Семёновича? – как всегда, с азартом предложил обсудить Братченко. – Уже видно, что с посевами всё будет у нас в порядке.

Предложений последовало много, но все или трудно осуществимые, или неинтересные. Лучшим оказалось предложение колонистки Вари. Она рекомендовала построить беседку и обсадить цветами.

В тот же день на общем собрании колонисты одобрили предложение об устройстве клумбы и единогласно постановили вечерами по два часа работать на расчистке площадки. На четвёртый день клумба была готова. Посадка цветов много времени не заняла. Но центральная часть клумбы была пуста. Чтобы как-нибудь её использовать, посадили на этом месте куст шиповника, но все понимали, что этого недостаточно.

Выход из положения нашёл Белковский:

– Я сумею, кажется, достать хороший цветочек, как раз то, что нам надо.

– А где же ты его достанешь? – с удивлением спросил я.

– А... у своей тёти... у неё очень много цветов.

– Тогда поезжай скорее, хотя бы сегодня.

– Нет... сегодня нельзя.

– Почему?

– Она... бывает в разъездах.

Через несколько дней, когда я, как всегда, в половине шестого утра вышел во двор, мне прежде всего бросилась в глаза чудесная агава из семейства амариллисовых с огромными толстыми листьями, покрытыми по краям шипами, посаженная на месте тут же валившегося шиповника.

Клумба приняла совсем иной вид, стала нарядной. Тётя Белковского подарила колонии действительно замечательный цветок.

Все ребята с нетерпением ожидали приезда Антона Семёновича. Осмотр колонии Антон Семёнович начал с наших полей. Хотя ничего сказано не было, но я видел, что он доволен. Возвращаясь на усадьбу колонии, вышли прямо к клумбе.

– Где вы эту красавицу достали? – не скрывая своих чувств, спросил Антон Семёнович и остановился.

– А это подарок тёти Белковского.

– Чей, чей подарок? Тёти Белковского? Ха-ха-ха!

Не ожидая такой реакции, я смутился. Антон Семёнович продолжал хохотать и, немного успокоившись, сказал:

– Да у Белковского никаких родных нет. Я делал запрос на его родину в Саратов и получил ответ: родители и родственники Белковского умерли.

Рабочий день уже закончился, и все ребята находились около клумбы. Недоставало только... Белковского. Он предпочёл уклониться от встречи с Антоном Семёновичем, которого “провести нельзя”. Об этом не раз мне говорили ребята.

В тот день Антон Семёнович осмотрел также коровник и конюшню. Рассказать о “предусмотрительности” Братченко, запасшего ещё с зимы овёс и сено для наших лошадей, я уже не рискнул, чтобы окончательно не попасть впросак.

В следующий приезд Антона Семёновича Белковскому избежать встречи не удалось.

Вышел он из кабинета красный и растерянный. Опасаясь неприятных последствий, вплоть до отчисления из колонии, Белковский энергичной работой старался искупить свой проступок. Поведение его было безупречным.

Меня же Антон Семёнович предупредил, чтобы все подарки “тёти”, “дяди”, “бабушки” и других близких и дальних родственников колонистов проходили только через него.

История с агавой долгое время оставалась нераскрытой, и только много позднее стали известны подробности получения “подарка”.

Вскоре была построена оранжерея, в которой самое лучшее место было отведено агаве.

В оранжерею частенько заглядывал и Антон Семёнович, и воспитатели, и ребята. Всем хотелось посмотреть и полюбоваться цветами, познакомиться с “тонкой”, требующей особого внимания работой по выращиванию и уходу за цветами и рассадой.

Заканчивался 1924 год. Можно было подвести итоги напряжённой работы всего коллектива на новом месте в Ковалёвке. Богатый урожай картофеля, свёклы, капусты, помидоров намного превышал наши потребности в овощах. Имелся также некоторый запас пшеницы, ржи, овса, кукурузы. В прекрасном состоянии ушли под снег всходы озимой пшеницы и ржи, посеянные на чёрных парах.

Чувство гордости за своё хозяйство всё ярче проявлялось в словах, поступках и действиях колонистов.

Антон Семёнович внимательно следил за проявлением этого чувства и всячески его поддерживал. Обращаясь ко мне, он говорил:

– Вам, Николай Эдуардович, теперь намного легче будет. Пафос труда становится центром всей жизни колонии. – И добавлял: – А теперь давайте подумаем, что нам предстоит выполнить в ближайшие годы.

Много ещё больших и малых, простых и сложных задач стояло перед нами. Необходимо организовать учёбу колонистов по основам агротехники и зоотехники, быстрее развивать животноводство, обосновать и осуществить переход на правильный севооборот, привести в порядок сад, расширить цветоводство, “чтобы колония утопала в цветах”, усилить работу среди местных крестьян и выполнить многое другое.

Зима 1925 года прошла в напряжённой учёбе и подготовке к весенним работам.

Приближалось начало весенних полевых работ, и колонисты, продолжая учиться в школе, некоторое время работали в парниках, оранжерее, очищали и проверяли на всхожесть семена, подготавливали инвентарь. Это были по существу практические занятия по пройденному зимой в школе курсу основ агротехники.

Закончив занятия в школе, колонисты всю энергию направили на полевые работы. Предстоял исключительно напряжённый сельскохозяйственный год. Работу по крайней мере двух-трёх лет предстояло выполнить за один год. Мои заявки на рабочую силу, деньги и материалы для сельского хозяйства превышали возможности колонии. Антон Семёнович, несмотря на большую выдержку, получив такие заявки, возмущался:

– Вы что, хотите, чтобы я всех грудных детей служащих мобилизовал? Вы этого хотите?

В таких случаях приходилось отвечать возможно более спокойно:

– Как же можно образцово вести сельское хозяйство колонии, если не удовлетворяются даже очень “скромные” заявки? Неужели можно допустить, чтобы наши соседи, упрямые единоличники Иван и Григорий Коваленко, перетянули на свою сторону всех сомневающихся в преимуществах коллективного ведения хозяйства?

Антон Семёнович соглашался с моими доводами и на совете командиров, общем собрании колонистов просто и убедительно доказывал колонистам, что намеченное надо выполнить обязательно и точно в срок. При этом он не скрывал от ребят необходимости большого напряжения с их стороны.

В самые напряжённые рабочие дни можно было наблюдать, как Антон Семёнович ходил по полям и в минуты отдыха беседовал, шутил, подбадривал колонистов, и на наших глазах невозможное становилось возможным. Посев всех культур – ранних и поздних – мы закончили раньше, чем намечали. Это послужило мне основанием при ближайшей встрече с Антоном Семёновичем упрекнуть его, что он напрасно ругал меня за “совершенно невозможные заявки” на рабочую силу.

– Так вы теперь хотите меня ругать? А знаете ли, какой ценой мы добились хороших показателей? Сегодня же обсудим на общем собрании вопрос об отдыхе для ребят, хотя бы на недельку.

Последние слова Антона Семёновича меня сильно обеспокоили, и я пожалел, что затронул этот вопрос. Разве можно в сельском хозяйстве прервать на неделю работы? За это время сорняки могут погубить урожай свёклы, моркови и некоторых других культур.

К предстоящему вечернему разговору с Антоном Семёновичем я тщательно готовился и даже написал текст своего выступления на всякий случай. Пока отряды отчитывались в своей работе, я сидел как на иголках, ожидая обсуждения вопроса об отдыхе “хотя бы на недельку”.

– Ребята, – начал Антон Семёнович, – посевную мы закончили, Николай Эдуардович очень доволен, но, может быть, вы... устали и нуждаетесь в отдыхе хотя бы на недельку?

В ответ раздался общий весёлый смех и дружные протесты. Необходимость в моём выступлении отпала. Антон Семёнович посмотрел на меня. Его улыбку можно было понять так: “Я знал, что они откажутся, но, уважая их, должен был этот вопрос поставить и обсудить”.

За два года колония освоила всю земельную площадь и начала собирать высокие урожаи зерновых, огородных и кормовых культур. Была установлена связь с Полтавской опытной сельскохозяйственной станцией. В колонии в широких производственных условиях проверялись предлагаемые станцией новые агротехнические мероприятия.

Ребята по-настоящему гордились сельским хозяйством колонии и критически оценивали способы, применяемые соседями.

В 1926 году намечалось увеличить объём школьных занятий для старших ребят по земледелию, растениеводству и животноводству и выделить специальный опытный участок. Антон Семёнович, хорошо понимая значение науки и опытнической работы, полностью поддерживал все эти начинания в сельском хозяйстве. Однако наступившие события – переезд колонии в Куряж под Харьков – не дали возможности осуществить эти планы.

Переезд в мае 1926 года раскрыл тайну подарка “тёти” Белковского.

Всё наше имущество было доставлено для погрузки к железнодорожной станции. Агава в большой деревянной кадке красовалась тут же, привлекая общее внимание как пассажиров, так и железнодорожных служащих. Руководил погрузкой нашего имущества Белковский, и именно к нему обратился чем-то весьма взволнованный садовник местного железнодорожного садоводства:

– Где вы достали этот цветок? Два года назад у нас пропал такой же. Вечером перенесли из оранжереи и оставили на платформе, чтобы утром высадить на клумбу, но утром... его не оказалось. До сих пор не могу понять, как это могло случиться. По крайней мере, пять человек нужно было, чтобы его унести. При этом ведь на платформе всё время находились железнодорожные служащие.

– Что вы, – чуть смутившись ответил Белковский. – Он у нас уже почти... десять лет. Вот каким к нам попал.

При этих словах Белковский развёл руки и сейчас же их опустил, не желая, по-видимому, уточнять рост агавы десять лет назад.

Полюбовавшись ещё немного цветком и выразив удовлетворение его состоянием, садовник ушёл.

В Куряже с первого же дня наметили место для клумб и приступили к их устройству. Теперь это уже не было так сложно, хотя площадь клумб была увеличена по крайней мере в десять раз.

Агроминимум

Вместе с колонистами и наравне с ними работали в поле, оранжерее, парниках и наши воспитатели. Разграничение обязанностей командира сводного отряда колонистов и воспитателя установилось не сразу. Первое время наблюдались частые случаи подмены воспитателем командира отряда. Вопрос о правах и обязанностях командира и воспитателя обсуждался на педагогическом совете. В своём выступлении на совете Антон Семёнович подчеркнул, что укрепление самоуправления колонистов требует повышения ответственности командира отряда.

– А каковы же тогда обязанности воспитателя? – задал кто-то вопрос.

– Воспитатель должен являться примером для всех в выполнении порученной отряду работы, должен разъяснять и отвечать на возникающие вопросы – политические, педагогические, агрономические и т. д.; наконец, воспитатель должен вести культурную работу среди ребят не только в часы отдыха, как это принято, а в рабочие часы.

Для наших старых воспитателей, много лет проработавших в колонии, не представляло затруднений показать ребятам, как высаживать рассаду капусты, прорывать свёклу, пасынковать помидоры, а также отвечать на несложные агротехнические вопросы. Когда же стали приезжать работники других колоний знакомиться с нашим опытом, а также студенты-практиканты, то стали возникать недоразумения. Обычно приезжих прикрепляли на некоторое время к дежурному воспитателю, а затем переводили в сводные отряды, работавшие в различных отраслях нашего сельского хозяйства. Здесь-то и выявилась неподготовленность многих из практикантов. Колонисты, прослушавшие в период зимней учёбы основы агротехники и практически подготовленные неплохо, с иронией поглядывали на тех, кто должен был в будущем стать для них примером. К выводу – требовать от практикантов минимума агрономических знаний – в колонии пришли не сразу. Толчком послужил эпизод с двумя студентками-практикантками из педагогического института Оксаной и Ривой.

Интересные, весёлые девушки вскружили головы нашим ребятам, в том числе и Жоре Новикову, командиру сводного отряда, в котором работали Оксана и Рива.

Во время одного из перерывов Жора с самым серьёзным видом спросил практиканток:

– Девчата, а когда экзамен будете сдавать?

– Какой экзамен? – с испугом воскликнули девушки.

– Да разве вам Николай Эдуардович ничего не говорил?

– Нет, ничего.

– Ну, видно, не хотел сразу вас огорчить, а завтра обязательно скажет.

– Так какой же экзамен, Жорочка? К нему, вероятно, надо готовиться?

– Конечно, надо, – не изменяя серьёзного тона, продолжал Жора. – Прежде всего Николай Эдуардович потребует, чтобы каждую культуру вы знали по виду – огурец это, к примеру, или тыква, пшеница или ячмень, вика или люцерна; а потом спросит: как надо почву подготавливать, сеять, ухаживать, чтобы урожай побольше собрать.

– Ох, Жорочка, голубчик, после работы останься с нами, покажи и расскажи нам всё.

А Жоре только этого и надо было.

Через несколько дней по просьбе Жоры, раскрывшего мне секрет длительных вечерних прогулок с Оксаной и Ривой по нашим полям и лугам, я принял экзамен у девушек. К чести Жоры, долгое время работавшего в качестве моего помощника, надо сказать, что подготовил он наших практиканток к экзамену хорошо. Оксана и Рива получили “отлично”.

Время шло, но Оксана и Рива, смотревшие на дело серьёзно, об экзаменах не позабыли. После окончания практики девушки зашли к Антону Семёновичу попрощаться и получить характеристику и справку о выполненной работе. Жора в этот момент почему-то

тоже оказался здесь. В разговоре с Антоном Семёновичем девушки попросили отметить в справках, что они сдали агроминимум.

– Какой агроминимум? – с недоумением спросил Антон Семёнович.

– А вот спросите Жору. Он нам помогал подготавливаться, а Николай Эдуардович принимал экзамен.

Виноватый взгляд Жоры раскрыл Антону Семёновичу всё. Не расспрашивая больше ни о чём, он отметил в справках о сдаче девушками агроминимума,

На следующий день я рассказал Антону Семёновичу подробности приёма экзаменов.

– Пусть это шутка, но шутка здоровая, – с улыбкой сказал Антон Семёнович, выслушав меня. – Люблю Жору за инициативу и находчивость. Вы не думайте, что он только болтун и легкомыслен. У него железная выдержка. Где надо, в камень превратится. Ни слова из него не выжмешь. Давайте на будущее договоримся, что, прежде чем назначать того или иного воспитателя или студента в сводный отряд, вы с ним хорошенько побеседуете.

Так с лёгкой руки Жоры Новикова была введена обязательная беседа по агрономическим и зоотехническим вопросам со всеми практикантами и новыми воспитателями.

Наше животноводство

Развитие животноводства Антон Семёнович поддерживал не только по соображениям замены всем столь надоевшего в предыдущие годы пшённому “кандёра” на борщ со свининой, а пустого чая – на молоко. В развитии животноводства он видел возможность всестороннего ознакомления колонистов с сельскохозяйственным производством.

Животноводство позволяло рационально использовать отходы кухни и столовой. Наибольшее внимание было уделено развитию свиноводства, которое давало возможность в самый короткий срок получить и мясо и жиры.

На Полтавской опытной сельскохозяйственной станции мы приобрели несколько молодых свинок. Свинки доставляли много хлопот: то залезут к кому-нибудь в огород, то заберутся в реку и взмутят воду так, что в ней нельзя купаться. И тем не менее свинки стали общими любимцами.

Особенной любовью ребят пользовалась Фиалка, имевшая и другую кличку – Спортсменочка. Первую она получила, когда кто-то из ребят надел на неё старую дырявую дамскую шляпу с искусственными фиалками и Антон Семёнович, увидев её в таком виде, сказал: “Нашей свинке фиалки, кажется, к лицу”; вторую – за необычные спортивные способности. Не раз можно было наблюдать, как Фиалка вместе с ребятами прыгала с обрыва в воду, вызывая бурный их восторг. Естественно, что такой свинке перепали самые лакомые кусочки; к осени Фиалка оказалась более упитанной, чем её сверстницы, и это обстоятельство привело к большой для неё опасности.

Взоры нашего завхоза Михаила Павловича, характеристика которого достаточно полно дана в “Педагогической поэме” в лице Калины Ивановича, устремились именно на Фиалку.

[Прим. Ред. Если в “Педпоэме” А.С. Макаренко действуют Екатерина Григорьевна и Калина Иванович, то в “Иллюстрации” внутри работы Макаренко “Длительность педагогического коллектива” (см. в т. 1 М., 1983) эти персонажи названы их настоящими именами: Елизавета Фёдоровна и Михаил Павлович]

Когда ребята узнали, что Михаил Павлович не только собирается, но уже точит, в буквальном смысле слова, нож, чтобы зарезать Фиалку, они страшно взволновались. По распоряжению Антона Семёновича в необычное время был дан сигнал “на общее собрание”. Опоздавших не оказалось.

Михаил Павлович так с ножом и явился на собрание, чем ещё больше взволновал ребят. Первое слово получил он.

– Кто я такой, вы знаете, – начал Михаил Павлович. – Я лицо ответственное, уполномоченное высшим начальством, и не обязан подчиняться каким-то там... а посему...

Но договорить ему не удалось. Поднялся ужасный шум, к которому скоро присоединилось жалобное похрюкивание Фиалки. Ребята умудрились и свою любимицу притащить на собрание и в нужную минуту лёгкими толчками заставляли её выразить свой протест.

Но вот взял слово Антон Семёнович.

– Ребята, – сказал он, – Михаил Павлович просил пояснить, что если не зарезать Фиалку, то дней десять придётся есть борщ без мяса. Поэтому ставлю на голосование: с мясом или без мяса будем готовить борщ?

И даже Михаил Павлович голосовал за “борщ без мяса”. Так была спасена жизнь Фиалки, а вместе с ней и её подруг. Решено было их всех оставить для увеличения стада нашего “свинства” – так частенько называл его Антон Семёнович.

К весне 1925 года наше животноводство заметно увеличилось. На пастбище вышло стадо в количестве двадцати голов крупного рогатого скота и двадцати овец. Правда, коров у нас было только три – две молодые и одна весьма “пожилая”, носившая соответственно своему возрасту кличку Старушка; но шесть молодых тёлочек обеспечивали хорошую перспективу для развития молочной фермы. Имелись также два рабочих вола, племенной бык и молодняк.

Коровник и конюшня находились рядом. Уход за животными осуществлял один и тот же отряд колонистов под командой Антона Братченко. Его симпатии, как заядлого лошадики, были на стороне конюшни, но и обслуживание коровника производилось вполне удовлетворительно. Правда, между ним и колонисткой Варей, страстной поклонницей “коровьего царства”, возникали не раз бурные сцены и даже... драки, кончавшиеся вызовом к Антону Семёновичу и разбором на общем собрании вопроса, кто первый коснулся своей рукой противника. По установившейся традиции этот момент считался очень важным для выявления зачинщика “военных действий”. Причина ссор в основном была одна: по уверениям Вари, Антон за счёт коров подкармливал лошадей отрубями, мукой и

другими концентрированными кормами, в которых у нас ощущался недостаток. Этим она объясняла и случаи снижения удоев молока.

Ссоры, однако, не мешали нашим “животноводам” объединяться, когда этого требовали интересы животноводства. Спасение коровы Старушки, забравшейся в трясины, из которой с большим трудом её вытащили Антон Братченко со своим отрядом и Варя с девушками, – наглядный тому пример.

Самые большие достижения имелись в развитии нашего свиноводства. Спасённые осенью от ножа Михаила Павловича, наши свиньи жили спокойно. Как и некогда, Фиалка опять стала в центре внимания ребят, но на этот раз по другой причине: Фиалка принесла восемь прекрасных малышей, и в связи с этим у ребят возник “серьёзный” вопрос, унаследуют ли её малыши спортивные способности своей матери. В том, что сама Фиалка, ставшая солидной мамашей, прыгать с ними с обрыва в воду больше не будет, ребята, конечно, не сомневались. Споров и разговоров на эту тему было много. И Антону Семёновичу и мне не раз приходилось разьяснять, что развитие нашего свиноводства не преследует спортивных целей.

Свиноводство становилось ведущей отраслью животноводства в колонии. Мы начали снабжать поросятами ближайшие сельскохозяйственные артели и крестьян. Однако хозяйство в свинарнике велось кустарно, не соблюдался режим кормления, не было необходимой чистоты. Основная причина такого положения заключалась в том, что помещение свинарника было явно неудовлетворительным.

Антон Семёнович разрешил доходы от свиноводства, которые к этому времени стали значительными, использовать на постройку нового свинарника при условии, если он будет отвечать всем необходимым зоотехническим требованиям.

Перевод свиней в новое помещение был для всех нас праздником. С одобрения Антона Семёновича сразу ввели такие мероприятия, как выдачу кормов в соответствии с весом свиней, кормление по часам, регулярное обмывание животных и периодическое их взвешивание. Устанавливать нормы выдачи кормов и следить за кормлением свиней в точно назначенные часы вначале приходилось мне. Но вскоре всё это стал выполнять командир отряда под моим наблюдением.

Первое время мойка свиней сопровождалась таким визгом, что его было слышно далеко за пределами колонии. Поливая тёплой водой и энергично растирая визжащую свинку щётками, ребята деликатно упрашивали её “вести себя тихо”. Но не всякая свинья понимала деликатные речи, и иногда некоторые чрезмерно упрямылись. В таких случаях дело не обходилось без пинков. Скоро и ребята становились мокрыми с ног до головы, но энтузиазм их от этого не снижался. После мойки наступала полная тишина. Уставшие от визга свиньи спали на чистой подстилке, а дежурившие ребята, переодевшись, читали или тихо беседовали где-нибудь в уголке.

Рассеялось укоренившееся у некоторых наших служащих и местных крестьян мнение, что свинья – самое неопрятное животное и что грязь чуть ли ей не на пользу. В старом свинарнике, где поддерживать помещение в порядке было трудно, только Чистюлька

жалобным хрюканьем проявляла своё нежелание лечь на грязную подстилку и успокаивалась, когда ей подбрасывали свежей соломы. Свою кличку она получила именно за это качество. В новом помещении ребята начали терпеливо приучать к чистоте всё наше поголовье: меняли по несколько раз в день подстилку. Оказалось, что даже такая грязнуля, как Пышка, начинала выражать недовольство, если солону вовремя не меняли.

Значительно сложнее оказалось приучить наших свиней к взвешиванию. Только при помощи верёвки упиравшуюся и визжавшую свинью удавалось втянуть в установленную на весах клетку. Больше всех огорчений доставлял кабан Василий Васильевич. Чтобы ввести его в клетку, за концы верёвки тянули пять-шесть человек.

По предложению Антона Семёновича результаты взвешивания, которые обычно приурочивались к смене сводных отрядов, докладывались на совете командиров. Совет командиров быстро оценил прогрессивное значение такого мероприятия и выносил решение в зависимости от итогов взвешивания. Плохо приходилось тому командиру, у которого, например, кабан Собакевич, поставленный на откорм, дал незначительный привес или, ещё хуже, снизил вес. В таких случаях совет командиров выносил решение – оставить отряд ещё на один срок работы в свинарнике и добиться улучшения показателей по свиноводству.

Наивно, но в то же время образно выразила на одном из общих собраний своё мнение о новом свинарнике наша самая молодая воспитательница Лидочка, мало знакомая с сельским хозяйством. – Раньше, – говорила она, – из-за постоянного визга и хрюканья свиней я не могла спать, а во время дежурства больше всего боялась заходить в свинарник для проверки работы ребят. Мне казалось, что Василий Васильевич или какая-нибудь другая свинья перепрыгнут через перегородку и...

– ...вас съедят, Лидочка, – шутливо продолжал Антон Семёнович.

– А сейчас ночью в свинарнике тихо, и я сплю спокойно. В свинарник заходить не боюсь. Сегодня самого маленького поросёночка даже... поцеловала в пяточок, – закончила своё выступление Лидочка под весёлые возгласы ребят.

Порядок в свинарнике, хорошая упитанность свиней и своевременно принятые предупредительные меры спасли наше стадо от чумы, уничтожившей почти полностью поголовье свиней в округе на несколько десятков километров. У нас ни одна свинья не заболела чумой. В период строгого карантина на дверях свинарника висело объявление, на котором ребята изобразили мёртвую свинью и сделали надпись: “Остановись! Опасно для жизни свиней! Вход запрещён”. Никто, кроме членов отряда, в свинарник не заходил. Когда необходимо было срочно отремонтировать печь, ребята, не обращая внимания на бурные протесты печника, обрызгали его дезинфицирующим раствором и только после этого впустили в свинарник. Для вызова кого-либо из свинарника на дверях повесили большой звонок.

К концу 1925 года наши успехи в сельском хозяйстве стали ещё значительнее, поголовье свиного стада увеличилось до ста шестидесяти голов. Крестьяне из окружающих деревень начали ставить колонию в пример и советовались с ними по различным спе-

циальным вопросам культурного ведения сельского хозяйства. Колония, бесспорно, оказала влияние на развитие свиноводства в окружающих хозяйствах.

Даёшь трактор!

– Что вы думаете о тракторе? – спросил меня Антон Семёнович в один из сентябрьских дней 1925 года. К этому вопросу я уже был подготовлен. О тракторах писалось в газетах. Изредка можно было наблюдать, как по пролегавшей недалеко от колонии просёлочной дороге перегонялись тракторы. Интерес у ребят к стальным коням был необычайный. Вечерами или во время перерывов в работе разговор не раз переходил на трактор, и все дружно желали его приобрести.

Тема “Даёшь трактор!” в рисунках и карикатурах наших художников заняла основное место. В сельском хозяйстве хотя и имелись заметные достижения, но было много и недостатков, устранить которые можно было только при помощи механизации. В напряжённые периоды сельскохозяйственных работ заметно ощущалась нехватка в рабочей силе. Это в свою очередь задерживало организацию крайне нужных нам мастерских – деревообделочной и слесарной.

На общем собрании колонистов Антон Семёнович предложил обсудить вопрос: нужен ли колонии трактор или можно обойтись нашим живым тяглом? Обсуждать этот вопрос не пришлось. Громогласное: “Даёшь трактор... трактор... трактор!” – потрясло всё здание. Даже Братченко, известный всем как заядлый любитель лошадей, на реплики ребят: “Теперь твоим лошадям только в клуб ходить, газеты читать”, – добродушно отвечал: “А вы думаете, чтобы только вам было полегче; лошадкам тоже надо, чтобы было полегче. Пусть трактор пашет и сеет, а лошади тогда будут боронить и семена подвозить”. Появившиеся вскоре после собрания два рисунка долго привлекали внимание колонистов, воспитателей и всех приехавших к нам. На одном рисунке было показано, как в единоборстве трактор, управляемый колонистом Беленьким, побеждает тройку вместе с кучером Братченко. На другом были изображены лошади, часть из которых увлеклась чтением газет, а остальные весело махали платочками трактору, распахивающему недалеко участок земли.

Разрешить вопрос о приобретении трактора оказалось, однако, не так просто. Против трактора резко выступило наше наробразовское руководство: “Нельзя доверить управление трактором ребятам, это опасно для их жизни и жизни окружающих”, “Ребята быстро поломают и приведут в негодность дорогостоящую технику”, “Зачем вам трактор, когда вы хорошо управляетесь в сельском хозяйстве и с лошадьми”, “Вот если бы что-либо вроде детского трактора, ну тогда может быть...”

Антон Семёнович боролся, резко спорил с такими нытиками и перестраховщиками. Он доказывал, что нельзя дать ребятам специальность, обучая их на игрушечном тракторе или игрушечном станке, что колонисты должны выполнять работу высококачественно, как настоящие трактористы.

Покупку трактора всё же пришлось отложить. Однако было решено начать подготовку своих трактористов, так как никто не сомневался, что трактор рано или поздно у нас будет. Для подготовки трактористов нам было предоставлено шесть мест. Курсы размещались в нашей бывшей первой колонии в Трибах.

Кандидатуры курсантов очень тщательно обсуждались советом командиров. Когда пять кандидатур были намечены, Антон Семёнович заявил:

– В отношении шестой у меня есть некоторые соображения. Вот закончат наши колонисты курсы, вернутся в колонию, а тем временем мы приобретём трактор. Кто же тогда будет руководить трактористами и сложной, совершенно новой для нас техникой?

– Николай Эдуардович, – раздались голоса ребят. На мгновение воцарилась тишина. Все смотрели в мою сторону и ждали ответа. Я понимал, что моему ответу Антон Семёнович придаёт большое значение, и, не раздумывая, решительно сказал:

– Я возьмусь при условии, если вы направите меня вместе с ребятами на курсы.

– Я был уверен, что именно так вы ответите.

Обсуждение шестой кандидатуры много времени не отняло.

Так я, агроном колонии имени Максима Горького, стал курсантом школы трактористов, и с тех пор вся моя дальнейшая работа оказалась неразрывно связанной с механизацией сельского хозяйства.

Если до слияния первой и второй колоний сводные отряды колонистов из первой колонии по утрам направлялись на работу во вторую, а вечером возвращались, то теперь по утрам из второй колонии шествовали в первую шесть курсантов под командой старшего колониста Гриши Беленького, а поздно вечером возвращались домой. Разница, и притом существенная, заключалась ещё и в том, что передвижение нашего отряда проходило в осенний и зимний периоды. Сколько раз нас поливал дождь, засыпал снег, валили с ног буря и буран! Были случаи, когда, возвращаясь домой, мы не находили на берегу Коломака нашей лодки, которую оставили утром. Прокричав с полчаса дружно “перевозу” и не добившись ничего, Беленький или кто-либо из ребят раздевался, бросался в ледяную воду, переплывал на другой берег и уже на лодке возвращался обратно.

Курсы всеми нами были успешно закончены и экзамены по конструкции и езде на тракторе сданы. Все шесть курсантов получили “посвидчения” (удостоверения) на право управления трактором. “Посвидчение” за № 281 для меня не менее дорого, чем другие аттестаты в дипломы. Оно всегда напоминает колонию и Антона Семёновича, направившего меня в новую, бесконечно интересную область сельскохозяйственного производства.

Мне всё же пришлось задержаться в школе, на этот раз – на курсах механиков. Антон Семёнович согласился со мной, что я должен иметь более высокую квалификацию, чем тракториста. В течение почти двух месяцев “шестой курсант” продолжал преодолевать снежные сугробы между второй и первой колониями.

Приобрести трактор в Полтаве нам не удалось. Разрешили этот вопрос только через год, весной 1927 года, уже после переезда в Куряж. Принять трактор и доставить его в ко-

лонию поручили старшему колонисту Беленькому. Как только раздался шум приближающегося к колонии трактора, все ребята выбежали навстречу. Вышел Антон Семёнович и почти все воспитатели. Беленький на высшей передаче подвёл трактор к клубу и рапортовал о благополучном прибытии. Приняв рапорт, Антон Семёнович обратился к ребятам с краткой речью, в которой отметил, что получение трактора является началом нового этапа в жизни колонии – этапа широкой механизации.

Обслуживал трактор небольшой постоянный отряд в составе трёх колонистов. Командиром отряда совет командиров назначил Гришу Беленького – серьёзного и дисциплинированного колониста.

За время моей работы в колонии не было ни одной поломки или аварии трактора, ни одного несчастного случая. Как жестоко просчитались наробразовцы, препятствовавшие ещё в Полтаве приобретению трактора!

Наш трактор обслуживал не только колонию, но и ближайшие коллективные хозяйства, выполняя для них наиболее тяжёлые полевые работы: вспашку, культивацию, молотьбу.

Подготовленные ещё в Полтаве на курсах, наши трактористы вскоре ушли на производство, в рабфаки. Остался только Беленький, назначенный инструктором. Ежегодно проводилась подготовка пяти-шести новых трактористов. Один из них, Иван Антонович Котов, впоследствии стал инженером-механиком и работал в МТС.

Механизация сельского хозяйства прочно вошла в жизнь колонии и помогла решить немало стоящих перед нами проблем.

За очень короткий срок в колонии имени М. Горького выработалась стройная, проверенная практикой система сельскохозяйственного трудового обучения колонистов.

Весьма ценным в этой системе являлось то, что творческая инициатива каждого колониста, воспитателя не угнеталась, а, наоборот, получала полный простор.

Вечером, когда на общем собрании обсуждались итоги прошедшего дня, каждый присутствовавший имел возможность выступить и внести свои предложения.

Всё настолько было ясно и понятно всем колонистам, что каждый из них знал, как ему надо поступить в том или другом случае. Никого не удивляло, когда самый маленький колонист Тося Соловьёв с важным видом рассказывал приехавшей познакомиться с колонией пожилой учительнице весь наш распорядок.

Случаи, когда тот или иной колонист самовольно сорвал цветок, “забыл” в поле лопату, грабли, ударил животное, были весьма и весьма редки. Наоборот, примеры аккуратности, заботы об имуществе колонии являлись повседневными.

Творческое применение системы сельскохозяйственного трудового обучения колонистов воспитателями и учителями является одной из ближайших задач детских домов и школ.